

УДК 330.101

DOI: 10.26456/2219-1453/2024.1.016–023

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ¹

О.В. Нифаева

ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет», г. Брянск

В статье анализируется проблема человеческого измерения в экономической теории и методологии. Цель статьи – раскрыть сущность человекообразности как неотъемлемой характеристики сложных систем, к изучению которых в современной экономической науке проявляется особый интерес. Для достижения этой цели специфика человекообразности обосновывается на онтологическом уровне, на уровне дисциплинарной картины мира, то есть применительно к методологическим предпосылкам экономической теории, заложенным в модели человека, а также на гносеологическом уровне как характеристики процесса познания. Учет человекообразности сложных социально-экономических систем может способствовать совершенствованию экономической методологии для объяснения и прогнозирования экономических феноменов.

Ключевые слова: *человекообразность, экономическая методология, сложные системы, ценности, модель человека.*

Человек есть мера всех вещей
существующих, что они существуют,
и несуществующих, что они не существуют.
Протагор

С момента своего возникновения экономическое знание находилось в неразрывной связи с этическими представлениями общества. Первые трактаты, касающиеся экономических вопросов, имели моральный подтекст, предписывали, как должно или не должно поступать. Позднее экономическое знание стало составной частью нравственной философии. Как известно, весь корпус теоретического знания делился на натуральную и нравственную философию. К натуральной философии относились точные и естественные науки, а к нравственной философии – все науки о человеке. Еще А. Смит читал лекции, затрагивавшие в том числе экономические вопросы, будучи профессором кафедры нравственной философии. Таким образом, практически на протяжении всей истории человечества с тех пор, как люди стали фиксировать представления об экономических явлениях, экономическое знание составляло неотъемлемую часть общегуманитарного знания, то есть наук о человеке и обществе. Соответственно, когда говорится, что экономическая теория – это социально-гуманитарная наука,

¹ Статья подготовлена на основе тезисов доклада «Человеческое измерение экономического знания и экономической реальности», представленного 1 декабря 2023 года на III Международной научно-практической конференции «Социально-экономическая траектория развития России: категорический императив бытия во времени и пространстве», посвященной памяти Виктора Александровича Петрищева.

кажется само собой разумеющимся, что в этой науке должен присутствовать человек, что она изучает человека и его поведение в хозяйственной сфере. Однако, как показывает опыт научной и преподавательской деятельности, это не всегда очевидно. Почему же так иногда происходит? Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось бы проследить историю развития экономической теории минимум за последние два столетия, что в принципе невозможно в рамках одной статьи. Тем не менее можно указать на несколько ключевых тенденций и событий, которые к этому привели. В частности, за это время произошла маржиналистская революция, в стремлении соответствовать стандартам объективности и точности, которые существуют в естествознании, значительно повысилась степень формализации экономической теории. Резко возросли технические возможности для обработки огромных массивов данных. Однако во всех этих процессах человек оставался в стороне, постепенно перемещался на обочину предмета экономической теории.

Особое внимание следует обратить на то, какое место занимает человек в экономической теории и в других экономических, в том числе прикладных, дисциплинах. Изучение базового курса экономической теории нередко сводится к решению математических задач, а его формальное освоение может быть достигнуто без оглядки на сущность такой фундаментальной общенаучной категории, как человек. В то же время в некоторых других смежных и прикладных экономических дисциплинах, например маркетинге и менеджменте, без знаний о человеке просто невозможно. Изучение этих дисциплин фактически начинается с рассмотрения сложной, многоуровневой природы человека и факторов его поведения в организации и в обществе (ценностей, мотивов, потребностей, привычек, влияния других людей, культуры). Возникает своего рода диссонанс между тем, какое ограниченное место занимает человек в учебной экономической теории, то есть науке, которая, казалось бы, является фундаментом других экономических наук, и тем, какое значительное место занимает человек в этих смежных науках. С учетом того, что количество часов на изучение экономической теории из года в год сокращается даже у будущих экономистов и менеджеров, не говоря уже о других направлениях подготовки, а на историю экономических учений часы нередко отводятся по остаточному принципу (хотя, каким образом можно двигать вперед экономическую науку и практику, не зная их историю, – вопрос риторический), важно дать студентам возможность получить как можно более реалистичные и приближенные к хозяйственной практике знания.

Разумеется, экономическая теория – это абстрактная наука, и она изучает экономическое поведение в рамках тех или иных моделей. Модель, как известно, – это упрощение реальности, однако необязательно пытаться вместить все наши знания о человеке в одну модель, что в принципе невозможно. Тем более что в истории экономической мысли достаточно примеров того, как ученые выходили из этого затруднительного положения, то есть не сводили сущность человека к какому-то одному свойству, но и не расширяли модель человека до таких пределов, чтобы она становилась неоперациональной. Вместо этого они структурировали черты многомерной

нравственной природы человека в зависимости от целей и предмета своего исследования, выделяя различные мотивы, потребности, интересы, страсти, привычки или добродетели человека. Подобные классификации можно найти в трудах А. Смита, К. Маркса, А. Маршалла, В. Парето, Т. Веблена и других ученых. Представления о многомерной природе человека уходят корнями в философию и этику Древнего Мира и Средних веков. Если использовать терминологию, принятую в современных гуманитарных науках, то названные мыслители исходили из триединой структуры потребностей, мотивов и ценностей человека в обеспечении материальных условий жизни, стремлении к познанию окружающего мира и воспроизводству человека как общественного существа в социуме [подробнее см.: 11]. Тем удивительнее, насколько близки в этом смысле позиции ученых, которые в идейном и идеологическом плане иногда придерживались противоположных взглядов.

Учет гетерогенной (разнородной, многофакторной) природы экономического поведения человека становится особенно важным, если следовать системному подходу и рассматривать человеческое общество, как и самого человека, в качестве сложной системы. Дело в том, что в этом случае человеческое измерение экономических феноменов становится не только более очевидным, но и необходимым для повышения качества экономических теорий и моделей. К характеристикам сложных систем, которые в настоящее время чаще всего упоминаются в специальной литературе и публикациях по экономической методологии, можно отнести следующее: наличие множества факторов, определяющих состояние системы, ее открытость, то есть постоянное взаимодействие с окружающей средой. И чем больше система взаимодействует с окружающей средой, тем выше уровень сложности системы и вероятность ее дальнейшего усложнения. Сложная система отличается стохастичностью, нелинейностью, неоднозначностью и множественностью сценариев развития, что затрудняет процесс поиска причинно-следственных взаимосвязей и прогнозирования развития системы. Многоуровневость структуры системы означает, что в ней присутствуют и постоянно взаимодействуют разные уровни, что вызывает изменение существующих и возникновение новых уровней и свойств системы за счет прямых и обратных связей и коэволюции элементов системы. Изучение свойств отдельных элементов сложной системы не всегда приносит результат, который можно было бы охарактеризовать как целостный, так как сложная система обладает свойством эмерджентности, что означает невозможность сведения ее характеристик только к характеристикам составных элементов. Для сложных систем также характерны самоорганизация, иерархичность, целостность, взаимозависимость поведения элементов системы, наличие синергетических эффектов, соответствующие методологическому принципу холизма. Гетерогенность и разнообразие элементов сложной системы выступают условиями ее устойчивости и адаптивности [5, с. 503; 7, с. 76; 8, с. 88; 9, с. 192, 200–202; 10, с. 80; 18; 20, с. 584–585]. В качестве отступления можно с сожалением констатировать, что в настоящее время уже

наблюдается тенденция, когда синергетика, теория хаоса и теория сложности рискуют превратиться в очередную научную моду, а их методологический потенциал, заложенный, как отмечают отечественные и зарубежные ученые [15, с. 9, 209, 288, 320; 17, с. 266, 267], в диалектической логике Г.В.Ф. Гегелем [6] и воплощенный в трудах К.А. Сен-Симона [16] и Т. Веблена [4], выхолащивается, чтобы придать наукообразный или обновленный вид довольно хорошо известным вещам.

Еще одним свойством сложных систем, прежде всего социально-экономических, является их человекообразность. Этот термин был предложен отечественным философом Михаилом Константиновичем Петровым. М.К. Петров полагал, что «на всю область методологии наложено исходное ограничение по человекообразности» [13, с. 98], так как под человекообразностью он понимал «посильность» познавательных («физических и ментальных») способностей человека, которая позволяет структурировать и систематизировать окружающую реальность и влияет на процессы в образовательной и научной деятельности. Следовательно, человекообразность характеризует ограниченность, «вместимость» когнитивных способностей человека, так как объем знаний настолько велик, что индивид не может охватить весь накопленный человечеством научный багаж и потому вынужден специализироваться на какой-либо деятельности или области знания. Отсюда и неизбежная фрагментарность любого знания, его неполнота и та или иная степень абстрактности. В то же время именно человек как «интегратор» системы способен соединить разрозненные знания в единое целое [1, с. 286; 13, с. 101–103, 109–110]. Именно в сознании ученого формируется видение экономической реальности, отталкиваясь от которого ученый затем выстраивает модели и теории. Отказ от человеческого измерения экономических феноменов как раз и приводит к тому, что в настоящее время отмечается недостаток больших теорий по причине фрагментарности теоретического экономического знания, сознательного изъятия из него человека, без которого теории, касающиеся долгосрочных тенденций и прогнозирования социально-экономического развития, анализа фундаментальных сдвигов в экономической истории, не мыслимы [3, с. 97, 145, 164; 19, с. 7]. Даже весь арсенал математических инструментов и технических мощностей не поможет там, где требуется совсем иное видение, где нужно мыслить масштабно, человекообразно.

В настоящее время человекообразность, с точки зрения теории сложности, можно понимать гораздо шире, чем в узком биологическом смысле только как своего рода физиологически обусловленное свойство человека. Человекообразность – это еще и социально обусловленная черта человека, благодаря которой он переносит на окружающие явления и предметы свою «самость», свое «я», пропускает их через фильтр своего мировоззрения, ценностей, перенося свой характер и опыт предшествующих поколений на изучаемую реальность. Только благодаря осмыслению разумным человеком вещь получает свою ценность, определенность, значение [1; 13, с. 99, 102, 109; 14].

Может показаться, что человекообразность снижает объективность научного исследования. В то же время замалчивание человеческой составляющей любого социально-экономического феномена, игнорирование ценностей, стимулов и мотивов человека под предлогом стремления к строгости и объективности, подмена предмета экономической теории техническими вопросами, решаемыми с помощью формальных методов, как показало развитие экономической теории особенно за последние несколько десятилетий, тоже не самый эффективный путь [19]. Напротив, изучение сложных систем с учетом фактора человекообразности способствует углублению наших знаний, так как в экономике ничего не происходит без участия человека. Здесь как нельзя лучше подходят слова древнегреческого мыслителя Протагора, вынесенные в качестве эпиграфа к данной статье.

С человеческим измерением экономических феноменов и экономической реальности в целом связан один интересный момент, который объясняется иерархичностью сложных социально-экономических систем, присутствием в них определенных взаимосвязанных уровней. Чем выше уровень системной иерархии, тем значительнее роль человеческого фактора в процессе функционирования этой системы [13, с. 101]. Пожалуй, самым тривиальным примером для подтверждения этого тезиса является организационная структура любого предприятия. Если на самом нижнем уровне управления некоторые рутинные хозяйственные операции могут быть выполнены с минимальным участием человека (например, с целью контроля работы техники), то при движении снизу вверх по управленческой лестнице и тем более на высшем уровне управления ценностные ориентации руководства, человеческие качества менеджеров, мотивы их поведения, мировоззрение, стереотипы мышления приобретают критически важное значение для обеспечения устойчивости системы. Они не только служат факторами принятия управленческих решений, но и транслируют подчиненным те или иные модели поведения. Ценности руководства – это всегда пример или антипример для рядовых сотрудников.

Учитывая все сказанное, тем более удивительно, что факт человекообразности объектов социально-гуманитарных наук вызывает сомнения (как было указано в начале статьи), хотя очевидно, что это «неустраняемое» свойство всех «социокультурных практик», также как и человек – «неустраняемая составляющая предмета исследования» социально-гуманитарных наук [1, с. 286; 13, с. 101, 110].

Таким образом, в отношении социально-экономических систем и экономической реальности в целом понятие человекообразности, человеческого измерения может быть определено двумя путями: с точки зрения объекта познания и с точки зрения субъекта познания, то есть и как неотъемлемая характеристика объектов, которые исследуются в социально-гуманитарных науках, в том числе экономической теории, и как характеристика процесса познания и черта самого субъекта познавательной деятельности, находящегося под влиянием его собственного «я», его мировоззрения, ценностных ориентаций.

М.К. Петров обращал внимание на то, что в практической области тезис о том, что все социально-экономические феномены так или иначе выступают отражением природы, поведения и поступков человека, более или менее принимается, но при переходе на более абстрактные теоретические уровни это уже становится не так очевидно, так как здесь начинает работать стремление сделать знание о человеке более точным, объективным, соответствующим таким наукам, как математика и физика, а значит человек как «социальное и мыслящее» существо, ценности человека, его нравственная природа в целом отодвигаются на второй план [13, с. 103], потому что они придают экономическому знанию излишнюю субъективность и не могут быть представлены в формализованном виде, хотя сейчас и делаются попытки включить ценностную компоненту в экономико-математические модели. На возникающее здесь противоречие указывает В.С. Автономов: чтобы теория была полезной, в ней желательно учесть многообразие факторов человеческого поведения, но, чтобы быть формализованной, природа человека должна быть максимально упрощена, например, сведена к одному мотиву, скажем, эгоизму [2, с. 59–60]. Неизбежные трудности моделирования вынуждают упрощать природу человека в экономических моделях до одного единственного свойства, которым может обладать не только человек, но и другие живые существа, или вообще заменять человека математическими и графическими символами. Такая ситуация наблюдается в поведенческой экономике, где существует множество моделей экономического поведения, каждая из которых изучает какую-нибудь одну аномалию, то есть отклонение от поведения репрезентативного агента. По этому поводу М.К. Петров писал, что «растаскивание отдельных характеристик “упрощенного” человека по всему животному миру менее всего способно внести ясность в вопрос о том, чем же, собственно, человек *качественно* отличается от других животных видов» (выделено *курсивом* М.К. Петровым) [13, с. 103]. Здесь следует подчеркнуть, что даже в точных и естественных науках, какими бы объективными они ни были на первый взгляд, также неустранимо присутствует человеческое измерение. Это очень хорошо показывает так называемый антропный принцип. Суть этого принципа заключается в «зависимости существования человека как сложной системы» «от физических параметров Вселенной», которая устроена именно так, чтобы в ней появился человек, разумное существо, наблюдатель [12, с. 50].

Изучение сложных человекообразных систем потребует выхода за пределы методологии, базирующейся на формальной логике, в основе которой лежат требования непротиворечивости, однозначности, таксономии. Для этого в экономической теории уже появляются, с одной стороны, более сложные методы моделирования поведения гетерогенных экономических субъектов благодаря возрастанию вычислительных мощностей для анализа огромных объемов информации, а с другой стороны, наблюдается переоценка научного наследия таких течений экономической мысли, как марксизм, институционализм и кейнсианство, в которых без использования изощренной математики уже накоплен опыт

изучения эмерджентных свойств экономических агентов, культурно-исторического контекста, институциональной структуры и предшествующего пути развития [8, с. 88]. Так как человекомерность, как было указано ранее, проявляется и на онтологическом, и на гносеологическом уровне, то в экономической методологии с момента появления теоретической экономической науки наблюдаются две тенденции, которые периодически то усиливаются, то затухают. С одной стороны, и это очень хорошо заметно в последние десятилетия, усиливается внимание к роли человека как главного экономического субъекта, носителя экономических отношений, его гетерогенной природе (мотивам, привычкам, ценностям), появляются новые субдисциплины как результат междисциплинарного синтеза, призванные пролить свет и расширить наши представления об экономическом поведении (поведенческая экономика, нейроэкономика, социэкономика, экономическая психология, экономическая антропология, экономическая биология). С другой стороны, в экономической методологии и философии экономической науки со времен методологического бума (1970-е гг.) идет активное обсуждение значимости ценностей, идеалов и норм исследования в процессе функционирования науки как социального института. Эти изменения вселяют надежду на то, что экономическая методология будет и в будущем развиваться и совершенствоваться в направлении изучения, объяснения и прогнозирования того, как функционируют сложные социально-экономические системы.

Список литературы

1. Абушенко В.Л. Понятие человеко(раз)мерности в культурсоциологии М.К. Петрова // Социологический альманах. 2015. Вып. 6. С. 283–295.
2. Автономов В.С. Экономическая теория до и после Великой рецессии // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 2. С. 58–64.
3. Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. М.: Наука, 2005. 243 с.
4. Веблен Т.Б. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
5. Гамидуллаева Л.А. От шумпетерианской теории созидательного разрушения к синергетической парадигме инноваций // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 498–512.
6. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 501 с.
7. Карасёва Л.А. Методологический и политэкономический потенциал современной экономической науки // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 3. С. 74–79.
8. Коландер Д. Революционное значение теории сложности и будущее экономической науки // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 84–100.
9. Кузин Д.В. Парадигма сложности в современном менеджменте // Философия хозяйства. 2023. № 3. С. 191–217.
10. Лаврикова Ю.Г., Бучинская О.Н., Мыслякова Ю.Г. Теория хаоса: расширение границ экономических исследований // AlterEconomics. Т. 20. № 1. С. 79–109.
11. Нифаева О.В. Этические и методологические основания экономической теории в модели человека // Экономика: теория и практика. 2018. № 3 (51). С. 27–31.
12. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с.

13. Петров М.К. Системный подход и человекомерность теоретического мышления // Социология науки и технологий. 2012. Т. 3. № 3. С. 97–111.
14. Петров М.К. Человекомерность и мир предметной деятельности // Человек. 2003. № 1. С. 5–18.
15. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
16. Сен-Симон К.А. Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л.: АН СССР, 1948.
17. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
18. Стёпин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45–59.
19. Фёдоров В.П. Общая теория стимулов. М.: КНОРУС, 2021. 218 с.
20. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв [и др.]. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.

Об авторе:

НИФАЕВА Ольга Владимировна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры отраслевой экономики и управления ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет» (241035, г. Брянск, б-р 50 лет Октября, д. 7), e-mail: olganifaeva@yandex.ru, ORCID 0009-0004-3646-4410, SPIN-код: 3096-1203

THE PROBLEM OF HUMAN DIMENSION IN ECONOMIC THEORY AND METHODOLOGY

O.V. Nifaeva

FGBOU VO “Bryansk State Technical University”, Bryansk

The article analyses the problem of human dimension in economic theory and methodology. The purpose of the article is to reveal the nature of the concept of human dimension as an immanent characteristic of complex systems, in which the modern economic science takes a special interest. To achieve this purpose the specific nature of human dimension is substantiated on the ontological level, on the level of disciplinary picture of the world, that is by applying it to the methodological premises of economic theory inherent in a model of man, as well as on the gnosiological level as a characteristic of the cognition process. Taking into account the human dimension of complex socio-economic systems can contribute to the improvement of economic methodology for economic phenomena explaining and forecasting.

Keywords: *human dimension, economic methodology, complex systems, values, model of man.*

About the author:

NIFAEVA Olga Vladimirovna – doctor of economic sciences, associate professor, professor of the chair «Sectoral economy and management» FGBOU VO “Bryansk State Technical University” (241035, Bryansk, boulevard 50 years of October, 7), e-mail: olganifaeva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2023 г.

Статья подписана в печать 20.03.2024 г.